

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСКОГО ОЗАРЕНИЯ

ПЕШКОВА В.Е.,

канд.пед.наук, доцент

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

peshk@yandex.ru

В науке никогда не исчезает интерес к проблемам творчества талантливых и гениальных людей. В мире известно несколько десятков научных концепций одаренности, созданных в различных областях психологии на основе разных теоретических подходов и методов изучения. Это многообразие концепций отражает сложность и многомерность природы человеческой психики, невозможность выработки общих эталонов для всех ее проявлений.

Творчество – это спонтанность, оригинальность, неповторимость, непохожесть на других. Задача, стоящая перед исследователем, связана с созданием нового, то есть с производством новых ценностей и смыслов.

В работах выдающихся творцов находится множество признаний в мучительных попытках понять, что происходит у них «внутри» в волшебные часы и минуты духовных озарений. Обычно творчество ученого-изобретателя отличается большей протяженностью во времени. И как видно на многочисленных примерах из истории жизни талантов и гениев [6], процессы творчества, то есть творческий акт, сначала связаны с постановкой проблемы и накоплением знаний; затем они проходят на бессознательном уровне, в течение которого зреет решение заложенной проблемы, но почва для него подготавливается годами упорного труда; а потом наступает озарение – внезапное прозрение, когда сознание вносит свое участие в «переводе» полученной информации в мир логики – мышление и речь.

А. Пуанкаре [8; 67–80] выделил в математическом творчестве эти три стадии. Первая – сознательный логический анализ. На этой стадии трудные и

нетривиальные проблемы не поддаются решению. На следующей, подсознательной, стадии идет внутренняя работа мозга. И, наконец, на третьей стадии продукт бессознательной работы становится уже объектом исследовательской работы сознания – в переводе на язык сознания. Однако для творчества главным для Пуанкаре является интуиция: «Для того, чтобы создать арифметику, как и для того, чтобы создать геометрию... нужно нечто другое, чем чистая логика. Для обозначения этого другого у нас нет иного слова, кроме слова интуиция» [12].

Процессы творчества обычно связывают с понятием интуиции, которая подсказывает, что делать, а что не делать. Поэтому творчество – реализация интуиции, а это приводит к новому знанию и возникновению нового способа взаимодействия человека с миром.

Интуицию – как составной элемент творческого процесса – трудно выделить на любом его этапе с большей или меньшей точностью. Интуиция характеризуется не только заранее предопределенными предчувствиями, но также связана с безграничными возможностями человеческого разума. Да и в самом творческом результате довольно трудно и даже невозможно указать на конкретно привносимый ее «вклад».

Нестандартность мышления или, по В.П. Эфроимсону, «взгляд дикаря» [11; 48] лежит в основе любого творческого процесса. Превращение неосознанных предвосхищений в осознанный результат – характеристика интуитивной деятельности мышления, которая опирается на выбор одного из множества имеющихся вариантов, на выделение способа достижения предвосхищаемого результата. Структура такого поиска будет вбирать в себя содержательные и динамические характеристики интуитивного мышления. «Творчество состоит как раз в том, чтобы не создавать бесполезных комбинаций, а строить такие, которые оказываются полезными, а их ничтожное меньшинство. Творить – это отличать, выбирать» [8; 70]. И здесь сознание выступает той упорядоченной, организующей силой, которая создает определенные границы хаотически разворачивающемуся поиску в

бессознательном. То есть разум, по замечанию И. Канта, представляет собой способность видеть связь общего с частным.

Творческий продукт, таким образом, не может быть получен на основе, или являться результатом, логического вывода.

Открытия зачастую совершаются, когда люди находятся в расслабленном состоянии или во время сна. Так, К. Гаусс во сне открыл закон математической индукции, а Т. Эдисон имел привычку составлять с вечера перечень вопросов, чтобы получить на них ответы во время сна. А. Эйнштейн во время сна установил взаимосвязь пространства и времени. К Ньютону решение большинства задач приходило только во сне.

Одно из наиболее ярких свидетельств, связанных со скрытой работой сознания, проявляющейся в озарении, принадлежит А. Пуанкаре: «В то время я занялся изучением некоторых вопросов теории чисел, не получая при этом никаких существенных результатов и не подозревая, что это может иметь малейшее отношение к прежним исследованиям. Разочарованный своими неудачами, я поехал провести несколько дней на берегу моря и думал совсем о другой вещи. Однажды, когда я прогуливался по берегу, мне... внезапно, быстро и с... мгновенной уверенностью пришла на ум мысль, что арифметические преобразования квадратичных форм тождественны преобразованиям неевклидовой геометрии» [7; 360].

Пуанкаре также описал, как во время бессонной ночи действительно наблюдал свои математические представления, сталкивающиеся в нем до тех пор, пока некоторые из них «не нашли более устойчивую связь. Чувствуешь себя так, как если бы мог наблюдать собственное бессознательное в работе, бессознательная активность частично начинала проявляться в сознании без потери своего собственного качества. В такие моменты интуитивно различаешь механизмы двух Эго» [7; 61].

Пуанкаре оставил в своих автобиографических заметках упоминание о пришедшей к нему в голову идее в тот момент, когда он ставил ногу на подножку омнибуса и вел светский разговор. Математик К. Гаусс приводит

пример бессознательного порядка идей: он отмечает, что одно правило в теории чисел он нашел «не путем кропотливого изучения, но, как говорится, благодаря милости Бога. Загадка разрешилась сама собой, как удар молнии. Я сам не мог рассказать или показать связь между тем, что я знал до этого, с чем я экспериментировал, и тем, что привело к конечному успеху» [9, 61].

Встречаются творческие озарения и с непосредственным участием сознания. Это будет осуществляться в условиях ясной осознанности восприятия пришедшей на ум идеи и с непосредственным ее ощущением. «Это откровение происходит ... во время сознательной работы» [8; 74], – А. Пуанкаре.

Однако творчество всегда остается тайной. Протекающие в нем внутренние процессы наглядно демонстрируют сплав бессознательных и сознательных компонентов мысли. Как видно на всех примерах, наши представления «упорядочены» еще до того, как мы начинаем осознавать их. Б.Л. Ван-дер-Варден, приводящий много примеров математических озарений, которые возникают из бессознательного, делает заключение: «Бессознательное способно не только ассоциировать и комбинировать, но даже судить. Суждение бессознательного интуитивно, но при благоприятных обстоятельствах оно полностью верно» [2; 367]. На долю же разума остается лишь обработка, придание законченной, социально приемлемой формы продукту творчества, отбрасывание лишнего и детализация.

Вот почему бессознательное первично и рождает собой сознательное, а не наоборот. Вот почему разум человека способен только к сознательной рефлексии (и интеллектуализации внутренней жизни), хотя как его подсознание, а тем более сверхсознание – по своей сути едины. Однако раскрыть эти тайны, связанные с влиянием бессознательного на осознаваемое, представляется невозможным. «Что же касается подсознательного «Я», то нам неизвестны его границы; поэтому нет ничего неестественного в предположении, что оно может за небольшой промежуток времени создать больше различных комбинаций, чем может схватить сознательное существо за

целую жизнь»; в то время как «сознательное «Я» в крайней степени ограничено», – А. Пуанкаре [8; 78].

Все творческие процессы, связанные с прорывом бессознательного в сознательное, то есть на третьей стадии, по А. Пуанкаре, все они в своем осуществлении имеют определенную последовательность: сознание человека проходит уровни осознания, осмысления и интерпретации.

Так, каждая пришедшая на человеческий ум идея начинается с объективизации. Ее сила, достигнув высших нервных центров человека, преобразуется в различные психические проявления — в человеческую мысль, человеческое чувство или личностное сознание. В результате этих переходов – на уровне индивидуального сознания – сначала возникает материализованный результат этих мыслей, который *осознается* в виде *образа* предмета, явления или будущего готового действия. («Слова полностью отсутствуют в моем уме, когда я думаю», – Ж. Адамар [1; 72–73]; «Все уже сложилось, а выразить таблицей не могу», – Д.И. Менделеев [4; 161].)

Затем данное представление – образ предмета, явления или действия – человек начинает осознавать уже как собственное ощущение, которое затем вербализируется и наполняется понятийным содержанием – *значениями* и *смыслами*. И на этом уровне личностное сознание, то есть сознательное «Я», по наблюдениям А. Пуанкаре, «определяется правилами», которые «отличаются строгостью и сложностью; они требуют дисциплины, внимания, участия воли и, следовательно, сознания» [8; 79]. «Бесплодные комбинации даже и не представляются уму изобретателя. В поле его сознания появляются лишь действительно полезные комбинации, да еще некоторые другие, которые он, правда, отбросит в сторону, но которые не лишены характера полезных комбинаций», – А. Пуанкаре [8; 71].

Об этом этапе А. Эйнштейн написал следующее: «Слова, написанные или произнесенные, не играют, видимо, ни малейшей роли в механизме моего мышления! Психологическими элементами мышления являются некоторые, более или менее ясные, знаки или образы. ... Элементы у меня бывают обычно

визуального или изредка двигательного типа. Слова или другие условные знаки приходится подписывать (с трудом) только во вторичной стадии, когда эта игра ассоциаций дала некий результат и может при желании воспроизведена» [1; 80].

На последнем этапе сознательных творческих процессов происходит реальная оценка тех идей, которые возникают в голове человека. То есть идеи *интерпретируются* к реальным условиям жизни творца: если они не всегда истинны, то их можно подвергнуть сомнению, проверить, опровергнуть. И как писал А. Пуанкаре, «истинная творческая работа состоит в том, чтобы делать выбор среди этих комбинаций» [8; 75]. Или по Л. Пастеру: «Быть убежденным, что ты обнаружил научный факт, с жаром желать его обнародовать и сдерживать себя днями и неделями, иногда целыми годами, возражать самому себе, пытаться опровергнуть свои собственные опыты и сообщить о сделанном открытии лишь после того, когда исчерпаны и откинута все противоположные гипотезы и допущения, – да, это тяжелое испытание» [3; 262].

Поэтому творческие находки не всегда принимаются самим изобретателем; пришедшая на ум идея тщательно проверяется, систематизируется. Принятие решения осуществляется уже на основе осознанного опыта создателя идеи.

Обыкновенным людям – не талантам или гениям – также доступны высокие творческие прорывы, где любой инсайт, или предвидение, будет сопровождаться озарением и рациональным мышлением. В подсознании будет одновременно происходить обработка нескольких потоков информации, и эти потоки помогут увидеть исследуемую проблему с разных сторон. Чем глубже и устремленнее человек будет погружаться в безмолвный мрак подсознания, тем яснее, четче вырисовывается идея, лучше отрабатываются представления, входя в непосредственный контакт со сферой логических рассуждений. «Они явственно чувствуются, но плохо поддаются формулировке... «Я» подсознательное... способно к распознаванию, обладает тактом, чувством изящного; оно умеет выбирать и отгадывать», – А. Пуанкаре [8; 75]. «Для меня

не подлежит сомнению, что наше мышление протекает, в основном, минуя символы (слова) и к тому же бессознательно», – А. Эйнштейн [10; 133].

Гении и мыслители, двигающие науку и прогресс, органически соединяют в себе дар постановки перед собой проблемы и упорную настойчивость в получении возможных для нее ответов. Мозг творца способен ставить перед собой сверхзадачу и длительно ее удерживать – в состоянии будущей модели цели, которая направляет движение мысли. Сам же результат достигается путем постоянных усилий, где человек фанатически преодолевает судьбу и преодолевает самого себя. И, конечно, прав был И. Гете, утверждая, что «все, что создает гений, создает бессознательно, и никакое гениальное творение не может быть усовершенствовано простым размышлением, но сам гений, продолжительно размышляя, может подняться до такой высоты, чтобы создать совершенные творения» [5; 20].

О тайнах творчества гениев, талантов написано несметное количество книг; эти тайны, загадки всегда тревожили и тревожат воображение людей. Однако постичь до конца эти тайны не удалось еще никому.

Литература

1. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. Пер. с франц. – М.: Сов. радио, 1970. – 152 с.
2. Ван-дер-Варден Б.Л. Пробуждающаяся наука. Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. – М.: ГИФМЛ. 1959. – 592 с.
3. Гончаренко Н.Г. Гений в искусстве и науке. – М.: Искусство, 1991. – 432 с.
4. Кедров Б.М. День одного великого открытия (Об открытии периодического закона Менделеевым). – М.: Соцэгиз, 1958. – 560 с.
5. Ковалевский П.И. Петр Великий и его гений // П.И. Ковалевский. Психиатр. эскизы из истории. Т. 5. 4-е изд. – СПб.: Тип. М.И. Акинфиева и И.В. Леонтьева, 1901. – 352 с.
6. Пешкова В.Е. Феномен гения. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 160 с.

7. Пуанкаре А. Математическое открытие // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – С. 356–365.
8. Пуанкаре А.Ж. Математическое творчество // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. – 2003. – № 2. – С. 67–80.
9. Франц М.-Л. фон. Наука и бессознательное // Человек. – 1996. – № 5. – С. 55–63.
10. Эйнштейн А. Физика и реальность. Сб. статей / Пер. с англ. – М.: Наука, 1965. – 358 с.
11. Эфроимсон В.П. Между гениальностью и психопатией // Химия и жизнь. – 2004. – № 10. – С. 44–48.
12. Poincare H. La valeur de la science. – Paris: Flammarion, 1905. – 83 p.